

Так жил рабочий до Октября

Мастер мюльного цеха Василий Иванович Иванов вошёл в контору, как всегда, быстрой походкой. И хотя его седые волосы, сутулость, которая бывает у людей, проживших долгую и трудную жизнь, говорят о его преклонных годах, всё же он выглядел ещё бодрым, расторопным.

— Кто меня звал? — спросил он, едва затворив за собой дверь.

Я отрекомендовался и познакомил Василия Ивановича с целью своего прихода.

— Как не помнить мне прошлого, — заметил он, выслушав меня, — когда я с 15 лет на фабрике. — Василий Иванович начал вести рассказ деловито, обстоятельно, иногда прерывая себя кратким замечанием: «Да, товарищ, такова была жизнь рабочего».

Всё, что Василий Иванович рассказал в короткой беседе, я, не добавляя ничего, хочу передать читателю нашей газеты.

— Мне уже 71 год. 56 лет я работаю на фабрике, но из них только 30 лет можно назвать годами радостного труда, годами, когда, работая, не нужно преклоняться перед хозяином и страшиться, что тебя по малейшему капризу мастера могут выбросить за ворота и что ты останешься без куска хлеба. Это годы труда после Октябрьской социалистической революции. А что было до неё?

На фабрику (тогда она называлась «Переславская мануфактура») я пришёл, оставшись сиротой после смерти родителей, 15-летним подростком. После долгих просьб хозяин взял меня в ученики ставельщика.

Это была для меня радость, так как я мог считать себя определённым на работу, которая обеспечивала мне заработок 15 копеек в день. А главное, я мечтал о специальности.

Но первые дни работы разочаровали меня.

В смрадном от газового света цехе я увидел людей бледных и тощих, болезненно кашляющих от постоянной пыли и копоти. Теснота, убогость оборудования придавали цеху мрачную, унылую картину. Каждый рабочий был робок и забит. Появление в цехе мастера-англичанина (тогда на фабрике мастера была исключительно англичане) наводило страх, рабочие боялись при нём произнести слово. Нерадостно началась и моя учёба.

Вместо учения мне кричали: «Щенок, не толкайся!» Вместо показа был подзатыльник. Я стал слугой мастера. Он ежедневно кричал:

— Васька! Сбегай за чаем...

Прошёл год грубых окликов и подзатыльников, год беготни за чаем. Наконец я получил «повышение», став вторым номером присучальщика, а заработок повысился до 22 копеек в день. Это тоже было ученичество, и в нём прошли долгие годы. Работал я, и никто меня не замечал. О выдвижении не было и помина. Чтобы получить повышение, нужно было дать мастеру большую взятку. Таков был путь каждого рабочего, это должен был сделать и я. Проработав «2-м колером» четыре года, я отдал мастеру месячную зарплату на угощение и получил должность прядильщика, заработок мой стал от 90 копеек до 1 рубля в день. Но за это я должен был «пропить» с мастером ещё месячный оклад.

Итак, я стал прядильщиком. Женился, завёл семью, и, так как не имел своего угла, то хозяин пожаловал мне квартиру в так называемых «каморках». Вот где пришлось испытать всю тяжесть быта рабочего человека. В комнате из 5 квадратных метров нас поселили две семьи. Это считались лучшие условия, а в соседних таких же комнатах жили по 3—4

семьи. Невыносимая теснота, постоянная грязь, отсутствие света вызывали одно недовольство и частые скандалы соседей. Воду и дрова приходилось таскать на 3-й этаж на себе. Зарботка каждому из нас не хватало для прокормления семьи, жили впроголодь, часто возникали заболевания. А разве нас лечили? Нет! Не было и охраны труда на производстве.

Так жили и работали мы, скрывая своё недовольство, до 1896 года. Не вытерпели, наконец, и в 1896 году взбунтовались. Остановили машины, несколько из них поломали, зазвенели разбитые в окнах стёкла. Но эта вспышка обошлась нам дорого: в этот же день несколько человек было арестовано, часть рабочих вышиблены с фабрики, а остальные во избежание такой же участи принялись безропотно за работу, не добившись никакого улучшения.

Условия становились всё невыносимее. Мы видели, что рабочих считают хуже скота. Заболел человек — никакой помощи, получил инвалидность — то же, доработался до старости — и не нужен: выбрасывали за ворота на произвол судьбы. Поэтому изнемогающий от старости рабочий вынужден был скрывать свою слабость, чтобы не оказаться без куска хлеба, и оставался у станка. Так у станка и помирал.

Всё это накапливало в нас злобу, и в 1912 году она вновь вылилась в массовый протест. 8 дней рабочие бастовали, но также, не добившись успеха, вынуждены были приступить к работе.

Сняла оковы рабского труда Великая Октябрьская социалистическая революция. Кошмарное прошлое ушло безвозвратно. Рабочий стал хозяином своего производства, а труд его — делом чести. О новой жизни нам рассказывать нечего: вы её видите сами. Одно скажу, что несмотря на то, что я пенсионер и мог бы спокойно отдыхать, не заботясь о куске хлеба, мне жаль расставаться со своим производством, потому что оно стало наше родное, кровное.